

18+



Виталий Зюзин

# Хиппи в СССР 1983–1988

Мои похождения  
и были

РОССИЯ В  
МЕНАРАХ



Россия в мемуарах

Виталий Зюзин

**Хиппи в СССР 1983-1988.  
Мои похождения и были**

«НЛО»

2023

УДК 323.282(47+57)  
ББК 63.3(2)6-361

**Зюзин В. И.**

Хиппи в СССР 1983-1988. Мои похождения и были /  
В. И. Зюзин — «НЛО», 2023 — (Россия в мемуарах)

ISBN 978-5-44-482163-2

Для повседневности позднего СССР трудно вообразить более экзотическое явление, чем движение хиппи. Тем не менее в конце хрущевской оттепели появилась большая группа людей, понимавших свободу, любовь и равенство совсем не так, как официальные идеологи. Мемуары Виталия Зюзина – художника, участника уличных выставок – начинаются с 1983 года и последовательно рассказывают о погружении в эту среду. Автор описывает встречи со знаковыми советскими хиппи, посещения их летних лагерей в Прибалтике и на Кавказе, конфликты с милицией, знакомства с джазовыми исполнителями. Это достоверное свидетельство, опровергающее многие стереотипные представления, дает читателю шанс взглянуть изнутри на сообщество, которое сумело создать свой параллельный мир внутри советской действительности.

УДК 323.282(47+57)  
ББК 63.3(2)6-361

ISBN 978-5-44-482163-2

© Зюзин В. И., 2023  
© НЛО, 2023

## Содержание

Часть 1. 1983–1985	5
Предисловие	5
Начало. Крока	7
Прозвища	12
Первая поездка	17
Знакомства	20
Работа	23
Флэт у меня дома	25
Последний этап работы на АЗЛК	29
Первое апреля 1986 года на Арбате	31
Пицунда 1	32
Конец ознакомительного фрагмента.	33

# **Виталий Иванович Зюзин**

## **Хиппи в СССР 1983–1988.**

### **Мои похождения и были**

#### **Часть 1. 1983–1985**

#### **Предисловие**

В то время, которое предшествовало знакомству с хиппи, случаев познакомиться с ними у меня было предостаточно. Еще живя в Москве на Ленинском проспекте в доме 71, из которого мы переехали в 1971 году, я видел довольно много наших же дворовых старших ребят с волосами как у былинных русичей, то есть значительно длиннее общей детской прически «полубокс», – именно с такой длиной волос, как потом у 80 % активной тусовки в мою бытность хиппи. Дворовые ребята постоянно что-то брэнчали на гитарах компаниями у подъездов и в скверах за бутылкой портвейна. Все они подражали неведомой мне моде. То есть вид хайра, заправленного за уши, клешей и прочих отступлений от «уставного образца» был уже привычен и в 60-е, и в 70-е, типа жевания жвачки. Спустя многие десятилетия выяснилось, что часто в третьем подъезде нашего дома у одного пьянчужки, дяди Коли, бывал Владимир Высоцкий. Может быть, поэтому наши дворовые стилиги переняли его стиль песен, расклешенных штанов и длинных волос. А может, он тогда с ними пел на улице, а я не знал, кто этот очередной жиган<sup>1</sup>... В том же подъезде, что и дядя Коля, жила семья художника Вербоного, сыну которого разрешалось носить довольно запущенную прическу, но все же не до плеч.

И позже, в середине – конце 70-х, было даже в школах полно таких хулиганистых хайратых ребят в несколько расклешенных брюках «неуставного образца», но поначалу они редко были настоящими фирменными джинсами. Часто это были штаны из какой-то полосатой, широкими разноцветными, но неяркими полосами грубой материи типа матрасной. Но именно в нашей школе один из четырех старших классов, так называемый «простой», то есть не математический, мог похвастаться левисами, райфлами и вранглерами у нескольких представителей. Просто этот класс набирался из окружавших школу домов, заселенных зачастую военной, научной и административной номенклатурой, которая имела другие возможности, как в форме спецраспределителей, так и за счет больших зарплат и, самое ценное, поездок за границу. Некоторые из них, как оказалось, были знакомы с кем-то из Системы (как описываемый далее Андрей Субботин), и она оказывала на них поверхностное влияние. Но большинство просто слепо перенимало тот внешний вид, который был у западных музыкантов или героев западных фильмов. Поэтому, видимо, такой внешний вид молодежи особого внимания окружающих уже не привлекал.

В это же время, выезжая в центр города с родителями или самостоятельно, я видел группки или одиноких сильно патлатых, как тогда говорили, молодых людей, но значения этому не придавал.

Времена были на редкость странными: с одной стороны, на улицах серая масса плохо одетых одинаковых людей, с другой – в транспорте встречались дамочки без бюстгалтера, и даже учительниц в школе можно было встретить в таком виде. Мини-юбки, распущенные волосы, сверхузкие сверху и расширенные максимально снизу штаны (в пик у только что отгу-

---

<sup>1</sup> Жиган (*жарг.*) – вор в законе.

лявшей моде облегающих штанов стилияг), цветастые рубахи, распахнутые на груди у молодежи, представляли собой праздник жизни в отличие от суконной толпы в фуражках, которой в Москве было море разливанное. И если в начале 70-х слушали Высоцкого и травоядных «Битлов», то в конце 70-х все повально сидели на «Перплах», «Цеппелинах», «Трексах», «Блэк Саббатах», «Киссах», «Спарксах», «Статус-Кво» и одновременно психоделических «Пинк Флойда», «Йесах» и «Кинг Кримсонах». А танцевали под «Арабесок», «Бонни М.», «Аббу» и диско.

Кстати, очень детальное знакомство со всеми этими группами у нашего класса было совершенно правильным, но нестандартным для советских школьников. Классе в 8-м или 9-м наша одноклассница, потомок А. С. Пушкина, Катя Пушкина, организовала очень основательную лекцию в самом классе о рок-музыке, которую вели студенты, кажется, МГИМО. И вот представьте, какого они были вида, эти будущие идеологические борцы за коммунизм в джунглях западного капитализма, – худые, высокие, в джинсе с ног до головы, причем самых модных брендов, опять-таки с широкими классными клешами (мои дети презрительно сейчас их называют «слоновьи ноги») и с длиннющими волосами. Аппаратура у них была не магнитофон «Маяк-203» и стереопроеигрыватель «Аккорд-001» советского производства, как у некоторых из нас, а добротные «Акаи», «Панасоники» и уж не помню, что еще. Они ставили слушать очень для нас необычную и по названию, и по звучанию музыку, как, например, отрывки из рок-оперы «Иисус Христос Суперстар»<sup>2</sup>, «врубившей» множество народа на планете в хиппизм и духовные поиски, и много других. Но и они никак не связывались в моей голове с особой субкультурой и специфическим сообществом, которое надо бы поизучать вблизи. В 10-м классе мы с моим приятелем из соседнего дома, Вовкой Никольским, уже начали заниматься перезаписью пластинок на магнитофонные ленты, что-то на что-то менять, доставать фото западных музыкантов и даже их плакаты, но и тогда я не обращал внимания на общую моду отращивания волос у слушателей рока.

Следующие встречи, причем бок о бок и в течение нескольких часов, были в самом логове «неформалов», как говорили позднее, а именно в питерском «Сайгоне», в который я попал два раза с перерывом в три года – летом 1978 года и летом 1981-го. Множество хиппарей и прочей выдающейся публики было вокруг, но почему-то все мое внимание было сосредоточено на большом выборе пирожных, чае (кофе долго не пил) и томике Пушкина «История Пугачевского бунта», купленном за углом в «Букинисте»... Мимо, мимо и еще раз мимо... Хотя насчет бунта, наверное, в самую точку.

Когда я написал первую часть, нашлись дневники и другие записи того времени, которые проливают свет на то, как же было на самом деле, хотя большинство событий и лиц я помню, как мне казалось, «как вчера». И сами факты, и последовательность происходившего и толкование спустя 35 лет во многом претерпели множественные изменения в моей голове... Это по вопросу работы с «источниками» для историков. И сами участники, и очевидцы, и те, кому все рассказывали, со временем меняют и акценты, и даты, и последовательность, и истолкование. Наверняка была еще масса событий и людей, которых я забыл, а после прочтения дневника вспоминаю... Так что в воспоминания включаю выписки из дневника и других источников.

<sup>2</sup> Речь идет о рок-опере Э. Л. Уэббера и Т. Райса «Иисус Христос – суперзвезда» (Jesus Christ Superstar; 1971).

## Начало. Крока

С первым хиппи я познакомился в самом конце 1983 года, через месяц по отбытии армейской службы. В подвал к Кроке (Сергею Бобылеву по паспорту) меня привел знакомый часовщик Юра Брусиловский, с которым мы познакомились в самодеятельном школьном театрике Зальцмана «Здравствуйте». С ним мы тогда же, после занятий у Зальцмана, ходили почти во все московские театры, бывало посещая и по три спектакля за вечер по одному отделению в каждом. В общедоступные театры, не «дефицитные». О них отдельный разговор. Но общности у театралов не было, все люди, входя и выходя из театра, никак между собой не общались, и, соответственно, никакого удовлетворения ищущей общения натуре это не давало. Да и у Зальцмана царила снобистская и стесняющая атмосфера, а премьеры и любимцы упражнялись в неприличных полунамеках и соревновались в специфическом остроумии. Они все друг друга хорошо знали по школе, так как Зальцман был школьным учителем литературы. И в этой же школе по вечерам вел театральный кружок.



*Крока и Виктория Эйт. 1983*

Этот первый хиппарь по прозвищу Крока до сих пор остается в моем сознании как классический творческий индивид и образцовый хиппи. Самовлюбленный, начитанный, талантливый, окружающий себя почитателями и просто публикой, он постоянно что-то выдумывал, творил картины, хеппенинги и праздники, кипел энергией и впадал в красивую ипохондрию.

Крока (потом переименовавший себя в Улитку Сольми, затем просто в Сольми) работал плотником в каком-то ЖЭКе в Измайлове и, несмотря на то что его мама была на номенклатурной высоте, жил в малюсеньком подвале, вернее, одной комнатенке полуподвала, где одновременно что-то строгал для ЖЭКа и писал темперные, пастельные и акварельные картины очень радужных, радостных цветов, где было много мыльных шариков, улиток, бабочек, его любимых ирисов (на которые я до него никакого внимания не обращал, так же как и на другие

цветы, которых у нас на дачах у всех росла уйма) и его самого, обладая правильным рисунком и неизмеримым нарциссизмом. Его подруга, Эйт, впоследствии Виктория (Оля Спиридонова), с красивыми близорукими и близко поставленными глазами, была его музой. Расставшись с ним, она стала музой совершенно другого типа хиппаря, но тоже творческого человека, большого поэта Аркадия Гуру (Славоросова, тоже покойного ныне).



*Аркадий Гуру и Виктория Эйт*

Сольми, как и декларировал, шел всегда своим путем, редко соглашаясь участвовать в событиях, организованных не по его инициативе. Идеи, как, например, с «Улицей Любви», долго вынашивал, но не отступал перед трудностями и умел реализовать в том или ином виде через многие годы. Но в основном он жил восхищением от эпохи модерна, Серебряного века, писал картины, стихи, делал какие-то ювелирные украшения, прибамбасы и штучки-дрючки. Он создавал вокруг себя специальную творческую тусовку, которая разделяла его восторг от начала XX века, сама была заражена стихо- и художественным творчеством и, главное, признавала его гениальность. Действительно, к нему приходило много музыкантов: Хонки, Леша Ной, Фрэнк питерский, Боровский, Милорд, но много народа просто немного играло на гитарах, как сам Крока, или на флейтах (хорошо играла только Кэт), и сейшена образовывались сами собой.





*В мастерской Кроки. Крайний слева – Крока, крайний справа – Пахом Сергей. 1983*

С Крокой связаны не только мои первые знакомства с хипповой средой, живописью и фенечками, но и первый хипповый выезд в Ригу, первый автостоп, кафе «Русский чай» на улице Кирова и сама уличная тусовка. Было такое легендарное кафе самообслуживания за чайным домиком на ул. Кирова (ныне Мясницкой) рядом с магазином «Спорт», в котором я успел побывать один-единственный раз перед его закрытием и поглядеть там на «олду» (старых хиппи) и винтилово, которое продолжилось через час до подземного перехода от «Кировской» (теперешняя станция «Чистые пруды») к «Тургеневской», где также собирался пипл, и мы убегали от «Березы»<sup>3</sup> и ментов. Еще были походы по историческим местам Москвы, как, например, в Донской монастырь, чтобы посмотреть сохранившиеся барельефы с храма Христа Спасителя, о котором я ничего толком не знал, хотя и слышал, купаясь постоянно в бассейне на его месте, и по переулкам в центре с особняками в стиле ар-деко. Были и всякие невероятные истории. Например, помню, заходит к Кроке в мастерскую очень колоритный человек, Леша Ной, тоже плотник и гитарист, с многолетним сивым хайром, выпучив и без того круглые глаза, и рассказывает, как на него напала урла. А он шел из хозяйственного, где для работы купил кулек гвоздей. Нес их в авоське и, когда шпана попыталась его чем-то ударить, размахнулся и всадил авоськой по черепу нападавшему. Гвозди массой впились в череп без мозгов, ну и нападающих тут же как ветром сдуло.

Внешность у Ноя просилась на сказочные, типа лешего или Кощея, сюжеты. Впрочем, на библейские он бы тоже подошел, хотя никакого отношения к евреям, даже несмотря на свою сильную картавость (как и я), не имел. После 1984–1985 годов его почти не встречал, семейная жизнь, видимо, заела.

<sup>3</sup> «Береза» – оперативный комсомольский отряд. Был прозван так, поскольку его штаб-квартира находилась на Тверской улице недалеко от магазина «Березка».

Кстати, у хиппи я никогда не слышал разговоры про национальность в том смысле, как они возникли после 1991-го. Зато я узнавал там про князя Кропоткина, Бакунина, Уолта Уитмена и даже получалось брать почитать Торо и Воннегута с Маркесом. Хотя, услышав о достойных авторах, мог сходить к моему приятелю Грише Бердичевскому за подобной литературой. У Гриши я брал и Станислава Лема, и Стругацких, и того же Воннегута, Булгакова и многое другое, что невозможно было купить или даже взять в библиотеке. Это сейчас все эти книги на развалах за копейки продаются, а тогда или ходи по друзьям и выцыганивай почитать, или иди на толкучку на Кузнецком мосту или у памятника Ивану Федорову, где предлагались кое-какие, не все, из этих книг за многократно увеличенную сумму сравнительно с официально значившейся на обложке. Да и не каждому предлагали, часто отворачивались, заподозрив или отсутствие достаточного количества денег, или провокацию милиции. Хорошие и не всегда оцениваемые по достоинству вещи проскальзывали в журнале «Иностранная литература», как, например, Анхель Мария де Лера и Марио Варгас Льюса, которыми я зачитывался похлеще, чем книгами Хемингуэя и Фицджеральда. Кстати, хиппи с их рукодельным шитьем и вышивкой, хайрами и хайратниками заставили меня прочесть дореволюционное роскошное издание «Песни о Гайавате» Лонгфелло с превосходными гравюрами<sup>4</sup>, которое долго у меня лежало без дела. Правда, без обложки. Мы его когда-то добыли в пункте сдачи макулатуры с моим тогдашним другом Вовкой Никольским. То есть люди сдавали старинные прекрасные и редкие издания, чтобы получить какую-нибудь «Графиню Монсоро» или «Собаку Баскервиль» на ужасной бумаге... Кстати, у Вовки или у Аркадия Нозика я еще в 10-м классе, кажется, брал «Архипелаг ГУЛАГ» читать, который окончательно меня избавил от совковых туманных иллюзий.

У Кроки в подвале отогревались и отпаивались чаем с неизменным вареньем Володя Поня, Миша Мигель (или Майкл) с Коломенской (со своим молчаливым приятелем почти близнецом Тони) и с красивой Светой с очень большими глазами и круглым лицом (она постоянно ходила в шляпке-панамке по типу наших солдатских из Среднеазиатского военного округа), Машка с Володей Ромашкой, высокая герла нехипповой внешности, но страшно тусовая, Лена Кэт, гитарист Сережа Хонки (Щелкунчик), Пал Палыч и Леша Пахом из Крокиного худучилища и их преподаватель по фамилии Сальпетр, милейший Милорд с полиомиелитными ногами, высокомерный и неразговорчивый скрипач Серж Паганель, Маги Габарра из Пскова, легкомысленная, но себе на уме Джуди, шумная большая Гелла и непредсказуемая эталонная хиппица Света Шапокляк... в общем, почти все, как мне кажется, из активной тусовки начала – середины 80-х и бездна «сочувствующих».

Этот подвальчик был одним из немногих гостеприимных и безопасных мест тусовки, хотя и находился далеко от центра, на какой-то там Парковой в Измайлове. Настоящее подполье и при этом в некотором роде светский салон, где было много музыки, смеха, стихов, картин, книг, умных разговоров, чая с вареньем (которое я несколько раз доставлял через всегда открытое маленькое окошечко для этих детей подземелья), иногда вино или травка, но никогда не было ширялова. Любителей понапускать важности и таинственности хватало, они приносили свой шарм в общество, но было не так скованно, как в театре Зальцмана. То кто-нибудь Шамбалой<sup>5</sup> и Гурджиевым заморочит нам голову, то, наоборот, сказками про оптинских или загорских старцев-мухоморцев, то сказочками из жизни поэтов Серебряного века, то слухами про западных хиппи. Сальпетр, небольшой, кругленький, лысоватый блондин с профессорской бородкой, в костюме, считался большим знатоком китайского и японского акварельных набросков, а также тантрической йоги, которая была, конечно же, на порядок круче, чем модная тогда обычная йога.

<sup>4</sup> См.: Лонгфелло Г. У. Песнь о Гайавате: с англ.: в стихах / Пер. И. А. Бунина, ил. амер. худож. Ремингтона. СПб., 1903.

<sup>5</sup> Шамбала – мифическая страна в Тибете.

Кстати, о моде тогда на такие вещи, которые предшествовали Джуне, Кашпировскому и прочим прорицателям и лекарям. Все это было подпольно в буквальном смысле. Все эти любители йоги, карате, культуризма, иглоукалывания и только входившего в силу джиу-джитсу проводили свои занятия в буквальном смысле под полом, в таких же подвалах, под вывесками кружков гимнастики и дыхательных упражнений или без них. КГБ одно время их гонял, а потом, видимо, и сам увлекся. Вся литература по этим направлениям магии, позам лотоса с придыханием и силовым единоборствам была в виде ксероксов, продавалась маленькими книжечками рублей по пять и со страшными предосторожностями. При этом, естественно, все ксероксы были на строгом учете в КГБ, поэтому многие подозревали, что печатают и распространяют их сами гэбэшники, прибавляя себе к зарплате больше, чем некоторые цеховики<sup>6</sup>...

Кстати, еще о Кроке. Был он один из самых мощных «врубщиков» в Систему и, легко знакомясь где угодно, делал из молодых людей тусовщиков и романтиков. Из тех, что я помню, с десятков-другой советских комсомольцев забыли и про комсомол, и про светлое коммунистическое будущее и начали просто жить светлым настоящим... Иногда и в коммунах, антикоммунистических по сути.

---

<sup>6</sup> Цеховик – нелегальный производитель каких-либо вещей в советское время.

## Прозвища

Чуть позже, когда я уже знал много народа в Системе и много со всеми общался, я стал думать, какое бы прозвище взять себе. Романтическая атмосфера предполагала романтическое и неординарное самоназвание. Помню, как, спускаясь по лестнице на станции метро «Беляево» встречать какую-то компанию, где были девушки, которые были мне не совсем безразличны, я решил стать Прекрасным Принцем, сокращенно Р. Prince. Меня к этому подталкивал также Крока, который сам мне ничего придумать, однако, не мог. Он также оказался в той компании на станции. Я ему сообщил о своем новом прозвании, а он торжественно и громко провозгласил, кто я теперь есть. Нужно сказать, что никакой иерархии в Системе не было, и мое самопровозглашение хоть Червяком, хоть Повелителем Вселенной не предполагало никакого статусного положения. В Системе были Герцог, пара или тройка Князей и Графов, Князек, какие-то, кажется, Маркизы и еще некоторые самотитулованные особы, типа Лорда, но, так же как Моцарт и Кошка, никто из нас не мнил себя ни владетельной особой, ни гениальным композитором, ни кем-то, кто должен бегать за всамделишными мышами и вести себя с соответствующими претензиями. Просто, как часто и в школах, скучно было называться именем и фамилией, какими-нибудь Петями Сидоровыми и Машами Горюновыми... И надо сказать, что и на Западе люди творческие часто брали псевдонимы, как Леди Гага, Дэвид Боуи или тот же Принц, о существовании которого я несколько лет спустя своего самоназвания с раздражением узнал. В Системе никто никогда не обсуждал, хорошо или плохо называться таким-то или другим прозвищем, что оно значит и почему так, а не иначе. Все с готовностью принимали и с легкостью называли друг друга именно так, не имея никаких комплексов по этому поводу. При этом клички иногда прилипали, как и в обычной жизни, от посторонних людей, то есть были не только самоназвания. Кто-то кого-то называл каким-нибудь словом, и так и шло дальше, если человек не сильно сопротивлялся.



*Влад Маугли*



*Славик Волшебник*

Кто-то назывался по именам героев любимых литературных произведений, как Бегемот, Гелла, Алиса, Мастер, Сталкер (аж минимум три разных было), Паганель (пара была), Гулливер (тоже два разных), Багира, Маугли (тоже не один), Скво (двое), или сказочных персонажей – Леший, Берендей, Шапокляк, Дюймовочка, Пудель, Артымон, Шерхан, Кашей или просто по внешнему сходству – Поня, Диоген, или еще школьными кличками, которые иногда были производными от фамилий, а иногда нет, – Бравер(ман), Федор(ов) и т. д. Но чаще всего брались слова, никак с этим всем не связанные: Пессимист (по складу характера), Крис, Шуруп, Света Конфета, Скиппи (две или три герлы с одинаковым прозвищем), Алиса Черная, Алиса Белая, Гриф, Индеец, Малыш и пр. Впрочем, была масса народа, которая называлась запросто своими именем и фамилией, как Антон Маркелов, Андрей Дубровский, Саша Иванов, Макс Левин, Андрей Грачевский или Витя Рябышев.



*Саша Диоген. 1987. Мой рисунок*



*Боб Шамбала (Волчек). Мой портрет*



*Андрей Грачевский. 1985. Мой портрет*

Часть народа имела клички по месту происхождения или жительства: Силламяевский, Питерская, Кемеровский, Львовский, Чебоксарский, Фрязинский и т. д. Были и оригинальные названия: Мафи, Таблетка, Шкипер, Одуванчик, Солнышко, Генерал, Воробей, Волшебник, Чубчик, Сироп, Втататита. Большинство любило заморские имена – Джон, Ганс, Стив, Тони, Долли, Фил, Патрик, Энди, Лонг и прочие. Еще называли по их качествам, профессиям и склонностям: Художник, Поэт, Крэзи, Трехногий, Милый, Дзен-Баптист. Были и специфические: Рекламист, Диверсант, Террорист (недавно умер) и все Юры, кажется... Экзотические – Вечная Память, например, Приква и Мама Кошек. И стремные, как Мент, к тому же Рижский. Один приятель Леши Фашиста (Соболева) назвался по названию альбома «Пинк Флойд» – Ума Гума.



## Первая поездка

В это время хайр у меня какой-никакой отрос, и я мог уже надевать хайратник и в доказательство своей принадлежности к новому клану нацепил какие-то советские пацифистские значки, которые продавались во всех газетных киосках по 10–15 копеек и совершенно не пользовались у обычных граждан популярностью. Еще парочку нарисовал сам и вставил под круглое оргстекло, вытащив оттуда кадр из «Ну, погоди!».



*Рижский Мент (в форме) с Шапокляк на Гауе*

Мое первое хипповое путешествие, поездка в Ригу летом 1984-го, была не стопом, а впиской в фирменный поезд, где мне пришлось охмурить молодую латышскую практикантку-проводницу, в результате чего Сольми выпался в вагоне, а я не спал всю ночь в ее купе, так что таскался потом, как плеть, по утреннему городу. Но восторг раннего солнечного утра в почти загранице с островерхими крышами все же подбодрил на первые два часа. Первую ночь мы провели вовсе не на вписке у тех герлов, что звали нас в Москве, а на лавочке в парке у Милды<sup>7</sup>, у рукотворного ручья. Разбудили нас лучи фонариков в глаза. Но, к нашему невероятному удивлению, менты удалились после проверки документов, всего лишь осведомившись, что мы тут делаем. Видимо, сыграли роль этюдники при нас. Заезжали в последующие дни на Гаую (у станции Лиласте) – ежегодное палаточное становище хиппарей в прибрежном сосновом лесу. Оно было основано в не тронутым туризмом месте рижанином Мишей Бомбиным (тоже

---

<sup>7</sup> Милда – неофициальное название памятника Свободы на центральной улице Риги – бульваре Бривибас, на вершине которого находится фигура Свободы.

покойным уже, одним из столпов Системы), где совершенно русалочьего, модельного вида герлы расчесывали волосы до пояса своим худющим приятелям, купались в красных водах озера и морозили ноги в воде совершенно безлюдного залива.



*Лагерь на Гауе. 1984*



*Гауя. Игорь Осокин, Юра из рижского «Пилигрима», спиной Синоптик и Александр Пушкин минский. Сидят Цеппелин львовский и Юра Планта симферопольский. 1984*

Миша всегда покровительствовал этому месту, сопротивлялся законным и не очень разгонам этого лагеря и тогда, когда был просто хиппи, и когда внештатником каких-то западных «голосов», и тем более когда был выбран депутатом в сейм независимой Латвии. Лагерь хиппи произвел на меня сильное впечатление.

Тут никто не прятал волосы под одежду или шапку, здесь не стеснялись своей наготы, здесь спокойно наслаждались дикой природой и не выгоняли незнакомцев. Такое было мое главное ощущение от этого первого визита сюда, оно закрепилось в виде идеала на несколько лет, пока я не столкнулся с совершенно противоположными явлениями и отношением на том же месте уже у следующего поколения вроде бы тоже хиппи...

На следующий день после найта на лавках в парке, через перекрестные созвоны удалось найти-таки тех герл, которые нас звали в Ригу. Одна из них жила около церкви Св. Екатерины, где мы провели несколько ночей, по утрам светски беседуя с ее родителями. Днем мы гуляли по Риге, любуясь старой архитектурой и рисуя ее, ездили в Юрмалу купаться, сидели на Домской площади в обществе других хиппи. Можно было бы сказать, что романтика выплескивалась из берегов, если бы не то обстоятельство, что я не ощущал внимания от попадавшихся герл. Сейчас вспоминаю по дневниковым записям, что девочки, хоть и с показной крутостью, были совсем юные, лет по 16–17, кажется, так что это объяснялось их возрастом, который был у них самый сумбурный, особенно учитывая ту степень свободы, которую они получили от родителей... Мы с Сольми рисовали переулки и торчащие шпили, как и все, в самой старой части латвийской столицы. Но восхищались архитектурной вычурностью и в то же время основательностью и лаконизмом многоэтажных домов в стиле модерн. Целая улица волшебства, правда, они его называли на немецкий манер югендстилем.

Домой я ехал своим первым стопом в Москву через Питер с Сэмом, питерским торчком, с которым мы познакомились в Риге. Этот Сэм был довольно самовлюбленным и нагловатым типом, но в минуты вдохновения на трассе пел «Синюю птицу» «Машины времени». Я бы сказал, что Макар ему в исполнении именно этой песни мог бы позавидовать.

От одного его восторженного пения мы согревались на холодном балтийском утреннем ветру. Да, я был с этюдником, и в принципе он должен был помогать автостопу и избавлять от лишних вопросов. Ну, художники и художники, они вечно волосатые, бедные, при этом уважаемые чудаки общества, но под утро машин просто не было, и нам пришлось ежиться на лавке у пустынной трассы, а потом для согрева идти вдоль нее пару километров. В Питере Сэм меня вписал к одному сильно волосатому киномеханику из кинотеатра «Колизей». Флэт был в буквальном смысле в центре коммуналки, даже посреди коридора, то есть это была комната, отделенная со всех сторон фанерными щитами от общего пространства коридора, в котором тем не менее оставили проходы с боков этой комнаты куда-то дальше в бесконечность двадцатикомнатной коммунальной квартиры. И дом был прямо в двух шагах от «Колизея», тут же, за углом Невского. С утра шли в «Сайгон» и «Гастрит», гуляли по городу, ходили на Казань (площадь перед Казанским собором), где сидело несколько человек волосатиков. Пробыли там пару дней и рванули в Москву.

## Знакомства

Там же, на Гауе, я познакомился с Геной Саблиным, москвичом, только-только обрзавшим длиннющие волосы и игравшим под гитару из книжечки американской секты «Дети Бога»<sup>8</sup> пафосные, но простенькие песенки. Привело это к тому, что мы с ним и двумя его герлами в следующем или том же году ездили куда-то опять в Прибалтику сначала на подпольный и тоже в лесах слет такой же протестантской секты, а потом «врубали» людей на улице в божественные мудрости некоего американского «отца Давида»<sup>9</sup>. Как тогда тюрьмы избежали, можно объяснить только чудом! Это было, наверное, в Эстонии, точно не помню.

Осенью 1984-го я познакомился с творческой компанией на даче в Лианозове, которая обсуждала создание своего творческого объединения. Тогда хоть это и была территория Москвы, но дачно-деревенская застройка там еще преобладала. Ребятки были молодые и энергичные. Часть из них притусовалась впоследствии к хиппи, как Артур Арыч (снят даже документальный фильм «Арыч» о его житье-бытье в Москве и на даче в Симеизе<sup>10</sup>; фамилия у него двойная, очень дикая: Церих-Глечян) и Женя Парадокс, а часть всегда просто участвовала в выставках и концертах, как Авенир Казанский (фамилия такая) с женой Надей, но не тусовалась в нашей среде постоянно и не болела хиппизмом. Я потом сдружился с Авениром, частенько приезжал к ним на «Ждановскую» (теперь «Выхино»), где собиралось иногда много молодежи. Еще позже мы у них собирались для чтения вслух Евангелия с Поней, Шурупом и еще с полудюжиной ребят, при этом Авенир, у которого «один глаз на вас, другой в Арзамас» (видимо, был вставной), хоть и затягивал какой-нибудь глас пятый или «Славу...», сам над нами подхихикивал. Зарабатывал он в церковном хоре и игрой на флейтах в разных группах неэлектронной музыки (возможно, именно он познакомил меня с группой «Деревянное колесо»), но был любителем сальных анекдотов. Родом он был из Сибири, небольшого росточка и для важности носил академическую бородку с усами. Главной достопримечательностью их с Надей комнаты была клизма с длиннющим шлангом, которая почему-то висела прямо на стене. Надя хоть и уважала мужа, который был ее намного старше, но постоянно громко и матом, что тогда было редкостью у девушек, ругалась с ним. Еще минусом был огромный черный ньюфаундленд. Его редко расчесывали и не всегда вовремя выводили гулять. Про то, чтобы мыть псину, и речи не было, поэтому в квартире стоял тяжелый смрад. Однажды, когда хозяева вдруг срочно разбежались по делам, меня попросили выгулять пса. Надо сказать, что я собак никогда не выгуливал, а единственный пес, с которым я дружил в жизни к тому времени, был соседский Рекс, который свободно, без ошейника, разгуливал по всем купавинским дачам, где калитки были открыты, ожидая подачек и ласки. Этому я решил тоже дать свободно побегать и, когда вошел в пустынный по осени парк Кусково, просто спустил его с поводка. Молодое животное тут же резко рвануло, как ракета, вперед и через пять минут уже переплывало протоку очень изрезанного кусковского пруда, вокруг которого мне пришлось бегать два часа в надежде изловить зверюгу. Пес прекрасно наигрался и еле-еле дал себя посадить на поводок. Я и сам наполовину был мокр от того, что временами сползал в воду, и от брызг отряхивавшегося мастодонта.

<sup>8</sup> «Дети Бога» – христианская секта, возникшая в США в 1968 г., при этом большинство первых ее членов были из числа хиппи. Особую важность «Дети Бога» придают «Закону любви», согласно которому если в основе действий человека лежит жертвенная любовь, то он поступает в соответствии с Писанием. «Закон Любви» распространяется и на сексуальные отношения, которые представляют собой чудо божьего творения.

<sup>9</sup> Имеется в виду американский проповедник Давид Вилкерсон (1931–2011), предсказывавший всяческие бедствия и катастрофы и создавший программу освобождения от зависимости наркоманов и алкоголиков.

<sup>10</sup> Имеется в виду короткометражный документальный фильм «Арыч» (2021; реж. А. Седов).

До лета 1985 года мне казалось, что все было очень затаенно, никто особенно не вылезал ни в «Этажерку» (так мы называли булочную-кондитерскую с кафе на втором этаже) на улице Горького (теперешней Тверской), ни на Стрит (улица Горького), ни на Кировскую, и знакомств чисто хипповых было мало. Про «Гоголя» (памятник Гоголю в начале Гоголевского бульвара) я не знал, но, кажется, именно в то время разгон повсюду был полнейший, и пипл отсиживался по домам. Через всякие художественные тусовки и студии я знал Анюту Зелененькую, которую мы рисовали вместе с Антоном Лайко и компанией человек в двадцать таких же бездарей, стремившихся поступить в Полиграфический институт, еще Гошу Квакера (Острецова), но они не очень мне симпатизировали, так что через них я никого не узнал, и в дальнейшем практически на наших тусовках и выставках они не бывали. Да и художники они были никакие. Квакер, по слухам, вообще принадлежал к домашним и очень изнеженным хиппи, предпочитая в своей квартире на «Белорусской» собирать интересных ему людей, преимущественно религиозного толка, сам при этом особо не загораясь их идеями. Собственно хиппари именно в художественной ипостаси в большинстве своем не проявили себя сильно, так же, впрочем, как в музыке и литературе. Одна Умка за всех до сих пор отдувается (шутка).

То есть большинство рок-музыкантов, отрастив волосы под хипповую моду, пели песенки и ревели гитарами в их вкусе, хотя... черт знает, все было перемешано! Кстати, было удивительно в середине или конце 90-х появление Чижа с чисто хипповым репертуаром, с быстро выходящими один за другим дисками, которое лично для меня стало событием, затмевавшим большинство русских групп и исполнителей своей искренностью, энергичностью, поэтичностью и собственно музыкальностью, притом что звучание было вневременным и в то же время современным, настоящим. Мне лично все время мешали фальшивость и натужное притворство даже в интонациях у «Машины времени», не говоря уже про полную скуку и маразм официальных советских исполнителей типа «Веселых ребят» и «Голубых гитар». С одной стороны, проявлялась неприятная подражательность, с другой – почти академическая скука и идеологическая мертвечина. Как говорят сейчас, «ни о чем». По радио «по заявкам слушателей» передавали годами одни и те же арии и песни одних и тех же исполнителей – Анны Герман с ее «Светит незнакомая звезда», Пугачевой с «Арлекино», Робертино Лоретти с «О соле mio» и арию Мистера Икс из оперетты. Душно и скучно... Так что выбора у нас не было.

В это время я пытался побольше открыть для себя новый мир и побольше узнать людей оттуда. Уж не помню, с кем еще я тогда познакомился, но точно, что контактов было немного, единомышленники находились трудно и на шею никто особо не бросался. Это зима – весна 1984–1985 годов.

В принципе можно было просто шляться по улицам и в метро с утра до ночи, заглядывая время от времени в места типа «Этажерки» или «Трубы» (подземный переход к «Пушкинской»; с начала 80-х так называли переход у «Тургеневской»), чтобы столкнуться с кем-то из тусовки или отдельно от всех существующим волосатым. Или даже не очень волосатым. Достаточно было увидеть у кого-то явно несковского вида на руке фенечки – бисерные, кожаные или сплетенные из мулине браслетики, какие-нибудь необычные бусы, пацифистские значки, холщовую разукрашенную вышивкой сумку или джинсы в заплатках, обшитых цветными нитками, чтобы вскинуть два пальца в приветствии Victory, подойти и, используя сленг, убедиться в том, что человек наш. Самыми явными признаками были хайратники – ленточки вокруг головы, и ксивники, мешочки для документов на шее и специфические сумы. Это уже было безусловным доказательством системности, и если ты кого с ними видел или видели тебя, практически сближения было не избежать. То есть волосатыми иногда случались и какие-нибудь слесари с завода, никакого отношения не имевшие ни к Системе, ни к рок-музыке, а вот

вторичные признаки оказывались более существенными, чем сам хайр. Кстати, и рок-опера такая была про хиппи в Америке – «Hair»<sup>11</sup>.

Но была и обратная сторона, – если чувак был еще с недлинным хаерком, хоть и весь в феньках и прикиде соответствующем, он воспринимался всегда как «пионер» со стороны хайратых, то есть сама длина волос делала авторитет человеку, хотя в старину говаривали: «Волос долог, ум короток». Так нам вдогонку все бабки замечали.

---

<sup>11</sup> «Волосы» (англ.) – мюзикл (музыка Г. Макдермота, слова Д. Рэдо и Дж. Раньи; 1967), отражающий взгляды хиппи.

## Работа

Но мне было не совсем до шландрания, я еще принадлежал профессионально прежней жизни и к тому же, работая художником, хотел пойти учиться живописи в официальном учебном заведении. Для этого приходилось не только довольно много времени проводить на своей работе, которая к тому же располагалась чудовищно далеко от дома, но еще и ходить в рисовальные кружки.

С 1984 года, после прихода из армии, я работал на АЗЛК (Автомобильном заводе имени Ленинского комсомола) художником-оформителем (при цехе «Покраска-2»). Машины я не красил, а занимался наглядной агитацией, вернее, всякими поздравлениями и объявлениями. Туда меня устроил муж моей одноклассницы, который на заводе работал гонщиком и добирался на завод за 20 минут на своем «Москвиче». А зачем мне нужно было за скромную зарплату в 150 рублей мчаться полтора часа в один конец точно к восьми утра и полтора обратно, я сейчас не могу понять. Особенно угнетало то, что за десятиминутное опоздание у меня отбирали пропуск, как у тех, кто работал на конвейере, передавали профоргу и за пару-тройку таких ничего не значащих в моей работе опозданий лишали премии. Не значащих потому, что работы обычно в день хватало максимум на пару часов – плакатики поздравлений с днями рождения, новогодние и прочие праздничные листочки, таблички о технике безопасности и объявления профорга, которая сидела у меня за спиной в своем кабинете и которой и приносили мой пропуск. Обычно художники до обеда приходили в себя и дремали на рабочих местах, потом обедали и ходили друг к другу в гости в разные цеха пить чай и слушать сплетни вперемешку с гитарой. И только. Пospав еще после обеда, мы могли что-нибудь покрасить.

Работу подобную и лучшую можно было найти где угодно, и даже в двух шагах от собственного дома, как я потом многократно и обнаруживал (в своем же ЖЭКе, например), но за эти мучения я получил-таки от судьбы двойную компенсацию. Первая состояла в том, что в ДК АЗЛК в изостудии преподавал недоверчивый, неразговорчивый (с мальчиками), но выдающийся пейзажист Сухинин. А вторая в том, что стройуправление при АЗЛК, а точнее комитет комсомола заводской, переманило меня из цеха на свою стройку при практическом удвоении зарплаты. Я работал при комсомольцах в вагончике их штаба стройки на верхушке холма (как в известной песне Гребенщикова, о котором я узнал примерно в это же время), и один из секретарей, Воль (Владимир Суслов), оказался настолько симпатичным человеком, что не только порвал через некоторое время с комсомолом, но и стал инициатором первой большой тусни в пицундском третьем ущелье, которое он знал с давних времен и о котором речь впереди. В этом штабе стройки цехов для новой модели «Москвич-2141» у нас сложилась теплая компания с Воле и двумя симпатичными девушками-секретаршами, проходившими практику от института, так что мы все время на работе болтали и хохотали, а потом вместе гуляли. Это страшно задевало главу этого штаба, рослого костюмного карьериста, который был в одну из наших подруг влюблен. Но так как эта подруга на него почти не обращала внимания и предпочитала нашу демократическую компанию, он решил привязываться ко мне, некомсомольцу (я, придя из армии с рекомендациями для вступления в КПСС, даже не стал вставать на учет и выбыл из ВЛКСМ), думая, что я и есть разрушитель его счастья. Но привязываться не по моей антикомсомольскости, а по графику работы: стал стоять над самым обрывом холма и засекаать мои опоздания по минутам, когда я от метро полтора километра доплечусь и поднимусь по крутой лестнице до штаба. При этом наглядная агитация у меня была в порядке, хотя нужными материалами для уличных стендов он меня не обеспечивал. А имевшиеся в моем распоряжении были никуда не годны – гуашь на клею размывало дождем, полиэтиленовая пленка раздувалась, рвалась и пропускала воду, а автомобильными нитролаками трудно было рисовать. В конце концов нужный плакат в пластиковой печати им удалось заказать через какое-то

только созданное современное дизайнерское агентство, которых до этого в СССР не было. Весь дизайн создавался на самих производящих какую-то продукцию заводах и просто утверждался в министерствах. Дизайнерских школ тоже не существовало, но был факультет промышленной графики в Строгановке, куда я начал готовиться поступать в следующем году.

Неожиданно я опять избавился от строгого контроля режима, да и сама работа сменилась. Дело в том, что на вторую, параллельную с прежней цеховой работу в штабе комсомола на строительстве нового цеха АЗЛК меня устраивали в его же строительном управлении, которое тем не менее являлось другим юридическим лицом. Соответственно, руководство строительного управления сочло себя вправе меня у комсомольцев отнять и оставить у себя. И когда я в очередной раз пришел к ним за второй зарплатой (первую мне продолжали платить в цехе, хотя я там больше не появлялся; так выходили из положения из-за дефицита художников-оформителей), замначальника управления Неклюдов выловил меня и препроводил в узкий отдельный кабинет с длинным столом, где и предложил работать, забыв про комсомольцев. Я с радостью согласился, тем более что и девчонки из-за окончания учебной практики, и Воль по испарении комсомольского энтузиазма увольнялись со стройки. За неделю-полторы я для строительного управления переделал все строительное и поздравительное, что у них накопилось, и стал сначала меньше проводить времени на работе каждый день, а потом и вообще являлся на полчаса два в неделю. Изредка спохватывался то штаб комсомола, то цех, но я всегда отделялся наглым враньем, что вчера был в цеху, а в цеху говорил, что в управлении, а комсомольцев я просто не брал во внимание. Ни те, ни другие, ни третьи не имели приоритета на меня, поэтому гулять получалось по четыре дня в неделю и более. Да и что делать, если самой работы – агиток и плакатов – почти не было...



## Флэт у меня дома

С весны мои родители-пенсионеры уезжали на дачу в Купавну, оставаясь там до глубокой осени, и мало-помалу у меня в квартире стало собираться и задерживаться на ночи и на недели некоторое сменяемое сообщество. Сменяемое потому, что я никогда не знал, кто у меня останется из тех, кто вчера ночевал, или кого нового приведут. Я сам никогда к тому времени на так называемых флэтах никогда не был, кроме рижских, и порядки устанавливались сами собой тем более естественно, что в целом никто никого ничем не напрягал. Ну и моя армейская привычка к порядку способствовала. Не помню, откуда брались еда, чай и все прочее, но, кажется, никто особо этим не заморачивался. Главное было общение, новые знакомства, музон и вообще драйв. Между прочим, временами происходили идеологические диспуты. Самый яркий и значительный для всего нашего времени был у меня в присутствии Пони между Володей Дзен-Баптистом (Теплышевым), Женей Парадоксом и Геной Саблиным. Парадокс был подкованным безбожником, Баптист, вопреки своему прозвищу, тянул на мистический Восток, а Гена твердо держался «отца Давида» и его примитивных поучений на христианской основе. Спор был интеллигентным, мирным, никто особо никого не прерывал, все уважали оппонентов, морду не били и мерялись только интеллектуальным багажом. Бедный Женя был разбит по всем позициям (атеизм уже был не в моде), но, не признав поражения, был страшно доволен возможностью блеснуть недюжинной эрудицией перед старшими товарищами. Ему тогда было лет 19, мне, Саблину и Поне года 22–24, а Баптисту лет 35, при этом его стаж «ходок», вернее тусовок, начинался с самого начала движения, с 1968 года... Помню, что присутствовал еще поэт Влад, очень похожий на молодого Бельмондо, который всех мирил и все порывался читать свои длинные восторженные стихи. Он вообще был самым восторженным человеком, которого я когда-либо встречал: буквально влюблялся в каждого второго, мужчину или женщину, и посвящал им стихи. Однако и в его жизни случилась роковая женщина, которая его настолько измучила и выжала, что его восторженность и искрящийся мистицизм как-то постепенно улечились, превратив его в мрачноватого тусклого воздыхателя. Влад споткнулся на девочке по прозвищу Собачья Мама (была еще Мама Кошек), кажется, так ее звали.



*Ира Фри*

Герла была небольшого роста, но хорошо сложена, со славянским румяным лицом и длиннющими, чуть не до колен русыми волосами; у нее в квартире жило несколько собак, с которыми, видимо, ленились гулять, отчего в квартире стоял тошнотворный запах собачьих испражнений...

У меня бывали и зависали Ира Фри (тертая наркоманка, которой к тому же везло на автокатастрофы во время автостопа: раз семь машины с ней переворачивались, в том числе дальнобойщиков), потрясающий джазовый музыкант Миша Артымон, Поня с очередной подружкой (и гитарой), студент-кинооператор Леша Фокс, который так ничего и не заснял из нашей жизни, еще какие-то девочки и мальчики с Рязанского проспекта, у которых там сложилось очень тесное сообщество, еще один хороший тишайший провинциальный поэт. Была такая же тусня на Речном вокзале, откуда ко мне беспрерывно приезжали какие-то девицы совершенно несистемного вида, сидели по день-два, не обращая на меня внимания, и без всяких прощаний исчезали. Те же, кто задерживался, частенько выходили аскать к остановке на Профсоюзной, представляясь заблудившимися или разорившимися художниками из Эстонии. Какие-то

копейки, а иногда и рубли собирали. По ночам к той же остановке выходили попрошайничать сигареты или, если уже никого не было, поискать бычки на асфальте.

Немного позже неделю пожил у меня Сольми и очень красиво расписал мне стенку на кухне, с моим портретом (потом варварски мною закрашенную из-за желания разменять квартиру с родителями).

В целом тусовка налаживалась, порой даже слишком. Помню, что, выйдя с кухни помыться минут на пятнадцать и возвратившись обратно, я был поражен тем, что за столом сидел другой пипл, причем я никого не знал, и так увлеченно беседовали, не замечая меня, как будто они тут очень давно, а я просто сосед какой-нибудь зашел на огонек...

Была пара ночей, когда у меня оставались Пахом с Пал Палычем, и мы горланили народные песни, сверяясь с песенниками, но изменив мелодии на рок-н-рольный или блюзовый манер, стучали и гремели всем что ни попадя, и я удивляюсь до сих пор, как соседи снизу не вызвали наряд милиции.

Где-то в то же время от рязанской тусовки мне перепала очень небольшого росточка, но отлично сложенная подружка, Люба. Мы с ней проходили в метро на один пятак, так как она висела у меня на шее и обнимала ногами, как ребенок в «кенгуру» (которые, к слову, тогда еще не существовали в нашем быту, первое такое нам прислала из Америки Нина Коваленко, кажется). Не весила ничего. Но ревнивая была до обмороков. Раз меня предупредила уже после разрыва надоевших мне отношений, что за мной ночью должны прийти. Папаня у нее в органах служил. Я тогда смотался ночевать за две остановки к Жене Беляевской, хотя она жила уже в Теплом Стане с папой.

Началось с Любой все с игры в подушки, которые затеяла шумнейшая киевская пятнадцатилетняя Инга, кровь с молоком; ей по развитым формам и напористости никто не давал ее возраста. Непонятно было, как эту расфенькованную герлу отпустили и не хватились родители, так как она месяцами ездила по всей стране и зависала у кого попало. Но на ее призывно торчащую могучую грудь никто не смел реагировать, так как возраст был все же малолетний и загреметь при ее обидчивости и скандальности можно было основательно. Как у меня Инга с Любашей оказались (возможно, отбились от какой-то компании, которая уехала, а их забыла), я не помню. Впрочем, то же можно сказать про многих, кто у меня зависал тогда...



*Света Каганова. Мой рисунок*

## Последний этап работы на АЗЛК

В общем, в свое стройуправление я почти перестал ходить, наведывался только от силы раз в неделю по привычке. Режим там никакого не было, в отличие от завода, да и самой работы тоже, но замначальника Неклюдов все равно меня страшно материл каждый раз при встрече, при этом регулярно выписывая полную зарплату. В цехе обязаны были платить другую часть зарплаты, не имея понятия, где и чем я реально занимаюсь. Так что я был на тот момент вполне состоятельным человеком с зарплатой (ни за что) в 250 рублей. Эта зарплата должна была стать решающим фактором для принятия меня в женихи родителями жгучей красавицы Светы Кагановой из Московского финансового института, портрет которой мы рисовали у Клары Голицыной под присмотром грозного живого орла на балконе. Мы – это сама Клара, я с Квакером (Гошей Острецовым, знаменитым одноклассником ныне не менее знаменитого немецкого писателя Владимира Каминера), Сашей Чижовым (милейшим поэтом и почеркушечным таким тоже милым художником) и еще одним большим добродушным человеком с волнистым светлым хайром, но совершенно несистемным, Андреем Рачиновым. Художники они все были так себе, впрочем, хороший портрет девушки с опущенными глазами и густейшими черными волосами было действительно нарисовать непросто. Происходило позирование в Клариной однушке на Юго-Западной. Клара так и сказала: «Я тебе, Виталий, красавицу приведу рисоваться». Когда закончили портрет, мы переместились все с моделью на кухню, и там у меня прорвалось красноречие, и я, стараясь понравиться Свете, стал рассказывать всякие свои приключения, особенно про поездку на теплоходе по Черному морю, знакомство с интересными людьми и особенно с бывшими фрейлинами императрицы в Севастополе. Я поехал ее провожать, и после этого мы стали с ней встречаться, но я все испортил... Женихом я так и не стал и опять воспарил в свободный полет, как птица, вырвавшаяся из подготовленных силков. Если бы попался тогда в клетку, ничего бы из того, что случилось со мной впоследствии, не произошло и повода писать эту забавную книжицу не было...

В мае меня замучила совесть, и я решил расписать в помещении стройуправления задник актового зала фреской с какой-нибудь строительной тематикой, чтобы как-то компенсировать свое безделье. Опыта фресковой живописи у меня не было, но я смело взялся за роспись по принципу «и так сойдет». Взял за основу незамысловатую картину стройки из журнала «Художник» с кранами, несколькими рабочими в касках, строительной техникой и уходящей перспективой с какими-то строениями вдали. Предварительный эскиз был очень немудрящий и непривлекательный. Тут же наметал композицию на стене и понял, что особо тут и не нужно вылеонардоваться. Но необходимо было хотя бы купить на казенные деньги материалы. Красок в салоне на «Октябрьской» оказалось только шесть разных цветов, причем очень тусклых, плохого качества и не смешиваемых почти между собой, в литровых банках, так что пришлось сильно помучиться, а заодно и прочесть, чтобы работа не казалась слишком быстротекущей, «Тихий Дон», причем у меня осталось впечатление полной антисоветскости этого гениального романа.

Вообще, к неприятию режима я был готов давно, еще лет с тринадцати, имея ежедневные контакты с семьей из ГДР и их соседями из очень культурных, богатых и выездных семей, а также с одним другом с дачи, у которого папа был референтом министра и который ничего прямо не утверждал, а просто рассказывал всякие интересные вещи из западной жизни и задавал провокационные вопросы, как я к тому или иному явлению отношусь. Но и сама обыденность окружавшей меня жизни, где задавали тон крикастые ублюдочные продавщицы в магазинах, обязаловка и показуха в идеологическом плане, дурацкие лозунги повсюду, которыми никто всерьез не заморачивался, даже карьеристы и кагэбэшники, не вызвала симпатии к этому туповатому строю. И я начинал подумывать, мечтать о том, чтобы уехать из СССР,

повидать нормальные страны и нормальных людей, но никогда не изучал, что же там такого в этих странах особенного и чем они в деталях отличаются от нашей. Понятия нормальности и правильности в первую очередь появлялись от антагонизма с идиотизмами совка, а подкреплялись всякими фактами из дореволюционной жизни, которая, ясное дело, тоже была далека от идеала, но, по крайней мере, имела много естественных и рациональных начал, которые были выкорчеваны большевиками «до основания», а вот «затем», нам всем казалось, у них не получилось. Смех над ними стоял везде с конца 70-х.

Еще одним потрясением в позднем детстве был разговор между моим отцом и врачом-психиатром Владимиром Феофиловичем, мужем коллеги моей матери по машинописному бюро в универмаге «Москва». Как-то они пригласили нас в гости, и в конце дня врач стал рассказывать про всякие преступления сталинского режима.

Главным же именно идейно оформленным сдвигом стала для меня дружба с моим одноклассником из математической школы Аркадием Нозиком, который очень спокойно и доходчиво в рассуждениях о сталинщине и современности расставлял правильно акценты и открывал для меня бездну фактов истории, социологии и политики. К концу девятого класса я стал абсолютным антисоветчиком и полным антагонистом любых официально установленных утверждений даже в курсе школьной литературы. Не только сомневался во всем постоянно, но прямо видел натянутость, нелогичность и прямую ложь гуманитарных, исторических и экономических официальных совковых учений. В классе нас было двое некомсомольцев – я и Аркадий. Но если мой друг был молчаливым и скромным, то я был явственным горлопаном и активным антиобщественным элементом (с точки зрения классного руководителя, организатора всяких коллективных выездов и выходов, а также нашей комсомольской ячейки, которая с неохотой раз в месяц прорабатывала меня на собраниях). Моя «антиобщественность» была по достоинству оценена впоследствии учениками нашего дружного класса, которые до сих пор не теряют связь друг с другом. А этот высокоморальный классный руководитель спустя лет 25 после нашего окончания школы мне наедине хвастался, как они с физруком имели школьниц в гараже и в спортзале...

## Первое апреля 1986 года на Арбате

С осени 1984-го по весну 1985-го я усиленно занимался на курсах подготовки к поступлению в Строгановку и в частных рисовальных студиях, что требовало времени и денег. И с тем, и с другим у меня проблем не было, и я еще завел очень милую худенькую подружку, которая очень кстати не хотела замуж, потому что только недавно освободилась от мужа-тирана. Она ходила со мной на курсы рисования, но с ней я разошелся тоже очень вовремя. Потому что начиналась новая жизнь.

Первой видимой ласточкой нового веяния в стране был масштабный праздник 1 апреля 1986 года, День смеха на Арбате, только-только открытом после многолетней реставрации. Это было совсем не в духе советчины, к которой все привыкли, совершенно несмешной, и надо глубоко благодарить устроителей этого масштабного события, которое, впрочем, абсолютно забылось в череде гораздо более значительных событий, случившихся в стране. Но, как всегда, организация его проведения была в прежнем духе – с ограждениями и ограничениями. Мы малость припозднились со сборами, поэтому не смогли свободно пройти в веселую зону и пробирались через заборы и по крышам церковных строений внутрь оцепления. Кто был, уже не помню, собралось примерно человек десять волосатиков на партизанское проскальзывание через патрули. Было очень весело и авантюрно. В самой «особой зоне развлечения», как бы я сейчас назвал, всякую «антисоветскую», стремную публику впервые в истории не только не винтили, но и преимущественно пропускали в некоторые огражденные уже внутри праздника места, в то время как цивильных тормозили, считая нас, видимо, участниками каких-то спектаклей. В одном дворике выступал разгульный театр с настоящей каретой и сильно декольтированными (в мороз!) женщинами. Туда нас беспрепятственно пропустили, а приличным студентам пришлось говорить, что они «с нами», чтобы пропустили и их...

День смеха был с самоварами и бубликами, шутами и гармошками на улице, которую только недавно замостили специальным кирпичом, поставили красивые фонари и покрасили все домики так, что они выглядели как новенькие. По сравнению с остальной Москвой и тем более с провинцией, тонувшими в унылой серости и разрухе, сама по себе эта улица стала праздником для всей страны. Пугачева пела в этот вечер под зенитными прожекторами на высокой сцене, были еще какие-то известные группы и певцы, клоуны и шутники, даже, кажется, водили медведей. Все ходили туда-сюда, и повсюду что-то было интересное и забавное. Вообще атмосферу отвязности и веселья, несмотря на холод, создать организаторам удалось, хотя никого из них не было видно. Просто выпустили театрики, клоунов, общепит и музыкантов делать что хотят. Впоследствии вышла огромная статья в газете, где какой-то фантазер рассказывал, какой сказочно прекрасный будет Арбат, когда его совсем закончат переделывать. Предполагались мастерские художников на первых этажах, всякие кафе и развлечения. Но так как после Дня смеха никаких описываемых дальнейших преобразований на Арбате было незаметно, пришлось мне их подтолкнуть и делать выставки прямо на этой улице и непроизвольно его «открывать» для того вида, в котором он просуществовал два с половиной десятилетия как витрина свободы, которую потом придушили власти.

## Пицунда 1

После написания моей фрески в стройуправлении и фрески Сольми у меня на кухне («фресковый период») наступили жаркие деньки, да мне уже и надоело держать толпу у себя дома, так что раз я их даже вывез к себе на дачу копать огород (затея, практически не давшая результатов с худосочными Фри, Хонки (которого еще звали и Щелкуном, и Боцманом) и не любившим физический труд Поней), а потом предложил всем под уговоры Воля отправиться стопом в Пицунду, в дикие ущелья на самом берегу.



## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.